

О СООТНОШЕНИИ ХАЙАССКОГО И АРМЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Академик АН АрмССР Г. Б. ДЖАУКЯН

І. ВВЕДЕНИЕ

В хеттских источниках XIV—XIII вв. до н. э. упоминается страна *Ḫaša*, иногда выступающая под названием *Az(z)i*. Эта страна находилась на северо-восточных границах Хеттского государства и играла значительную роль в истории Нового царства.

С 1920-х годов начинается изучение вопросов географии, истории и языка Хайаса-Ази. При этом исследователи обращают особое внимание на сходство названия *Ḫaša* с национальным названием армян, которые называют себя хаями (*hay*), а свою страну Хайком (*Hay-ke*, собственно мн. ч. *hay*).

В 1931 г. Э. Форрер в специальной статье собирает все сведения хеттских источников о стране Хайаса-Аз(з)и¹. Вслед за этим появляются различные исследования, в том числе—монографии, посвященные проблемам этой страны².

Об отношении хайасского языка к армянскому было высказано три различных мнения.

1. Часть исследователей считает армянский прямым продолжением хайасского языка. Однако, либо не приводится какого-либо веского аргумента в пользу этой гипотезы, кроме факта сходства названия страны *Ḫaša* с самоназванием армян, либо приведенные факты, как у Г. Капанцяна, не могут служить доказательством этого положения. Дело в том, что Г. Капанцян считал армянский смешанным языком, в котором наряду с индоевропейским компонентом имеется местный—«азиатический» (в том числе хурритско-урартский) компонент. Такому же

¹ E. Forrer. *Ḫaša-Azzi*.—*Causasica*, 1931.

² E. Cavaignac. *Subliluhuma et son temps*. Paris, 1932; Он же. *Le premier royaume d'Arménie*.—*Revue hittite et asiatique* 17, 1934; N. Adontz. *Histoire d'Arménie*. Paris, 1946 (армянский перевод: Ն. Ադոնց. Հայաստանի պատմություն. Երևան, 1972); Г. Капанцян. Хайаса—колыбель армян, Ереван, 1948; Я. А. Манандян. Сообщения хеттских, ассирийских, урартских и древнеармянских источников о Хайаса-Аззи.—В сб.: О некоторых спорных проблемах истории древней Армении, Ереван, 1956; G. B. Jahukjan. *The Ḫaša Language and its Relation to the Indo-European languages*.—*Archiv orientální*, XXIX, 3, 1961; Г. Б. Джаукян. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван, 1964; Գ. Բ. Ժաուկյան. Հայաստանի լեզվի հինանատիիական ծագման վարկածը.—«Պատմա-րանասիրական հանդես», 1976, № 1; Ն. Ադոնցի' Հայոց լեզվի պատմություն. Երևան, 1987; И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968; В. Н. Хачатрян. Восточные провинции Хеттской империи. Ереван, 1971; Он же. Хайассцы.—*Вестник обществ. наук АН АрмССР*, 1972, № 8; Он же. Хайаса и Наири.—*Вестник обществ. наук АН АрмССР*, 1973, № 11.

смешанную природу он приписывает и хайасскому языку. Значительная доля приведенных Г. Капанцяном параллелей приходится на хурритские, на основании чего И. М. Дьяконов говорит о хурритском характере хайасского языка.

В наших работах, отстаивая, как увидим ниже, мнение о том, что хайасский является древнеанатолийско-индоевропейским языком, мы одновременно указывали на возможность армянской этимологии некоторых хайасских имен. Так, в 1964 г. в связи с анализом названия города *Halımapa* мы писали: «Очень заманчиво сближение с греч. *ἅλις* «соль; море», арм. *ał* «соль» (древняя форма сохранилась, как предполагают, в названии реки Галис—'Алц) из и.-е. *sal-, однако переход *s>h в начале слова в хайасском в других случаях не наблюдается и не имеет места в древнеанатолийских индоевропейских языках, кроме ликийского (ср. сказанное о суффиксе -(a)ha). На этом же основании мы отбрасываем другое заманчивое сближение—сравнение с арм. *ali-k^o* «волна», возводимым к и.-е. *r̥l̥io- (ср. греч. *πῶλιος*; «волна»); в пользу последнего сравнения, однако, говорят два обстоятельства: во-первых, в таком случае оправдывается и возведение названия армян и хайассцев к и.-е. *rotis, во-вторых, при допущении для армянского *polijos (греч. *πόλιος*) объясняется переход индоевропейского *o в a, обычный для хайасского»³.

В дальнейшем это мнение выступает более определенно в двух последующих работах, в которых мы отказываемся от рассмотрения Хайасского государства как носителя единого языка и среди племенных языков отмечаем и армянский. Так, с 1987 г. мы определенно писали: «Вообще население Хайасы не могло быть однородным, и вместе с хетто-лувийскими и фракийскими элементами возможно также наличие самого армянского элемента. Это, в частности, вероятно, если название *Hałaša* связано с названием армян, и название *hay* идет от собственно индоевропейского слоя. В этом случае можно предположить собственно армянское происхождение ряда хайасских собственных имен: *Šilili*; (—)—арм. *siñel* (*selel*, *silex*, *selex*) «любовник» (и.-е. *k'eī-, *k'eī-l- «лежать; отдыхать; место отдыха, дом; любимый», откуда др.-инд. *sīla*- «привычка, характер», др.-ирл. *ce(i)le* «товарищ, супруг»); *Terettituni*—арм. *eri*- «трех-» (и.-е. *tri-, арм. *eri*-с^o-s «трижды») и *ttun*, *tutn* «конечность» (и.-е. *dud-? Ср. ирл. *toti* «морда», *tota* «край; нос», ср.-англ. *tote* «край» и др. Однако возможен дескриптивно-ономатопоэтический характер этих слов); *-hila*—арм. *hił* (при *hił* < и.-е. *khu-lo-) и др.»⁴

В том же 1987 г. С. Петросян в специальной статье пытался доказать собственно армянское происхождение хайасского языка, однако из-за слабости и малочисленности аргументов эта статья лишена доказательной силы. Автор статьи основывается только на попытках этимологии названий *Hałaša* и *Az(z)ı*, причем первое из них возводит к несуществующему корню *pa- «отец, папа», предполагая его существование на основании и.-е. *pətēr «отец» и детского *pap(p)a, посредством суффикса *-i|o- (*pa-i|o-, точнее было бы *pā-i|o-, однако такая

³ Г. Б. Джаукян. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, с. 73—74.

⁴ Գ. Բ. Զաւակյան. Հայոց լեզվի պատմություն, էջ 340.

праформа относилась бы не к индоевропейскому, а праиндоевропейскому уровню), а второе к диал. *azi* «мать», для которого принимает явно неудачную этимологию, предложенную А. А. Асмангулян: *azi* <п.-е. *ag'hija¹: во-первых, п.-е. корень *nh* в одном языке не относится к лицам, а только к животным, во-вторых, не принимается во внимание существующая этимология арм. *ezp* «бык», которое возводится, правда, с некоторой натяжкой (огласовка *e* на месте *a*), к этому корню⁶. Надо иметь богатую фантазию, чтобы на основании таких этимологий возвести *Haġaša* к *apellatıvu* со значением «отец» и *Azzi*—к *apellatıvu* со значением «мать»⁷.

2. Сходство *Haġaša* с *hay* является случайным. Это мнение наиболее ясно сформулировал И. М. Дьяконов, который при этом название *hay*, вслед за А. Ташьяном, выводит из названия хеттов (*hati* > *hay*).

3. Наконец, третье мнение принадлежит автору данной статьи. На основании значительного количества хайасско-древнеанатолийских параллелей мы еще в 1961 г. пришли к идее о древнеанатолийском происхождении хайасского языка, который, таким образом, является не прямой основой армянского языка, а его основным субстратом.

В настоящее время уверенность в правильности этого мнения у нас поколебалась по следующим соображениям:

а) Наше мнение основывалось только на собственных именах—антропонимах, теонимах и топонимах, которые не всегда имеют решающее значение при определении характера языка. Как показывает пример самого армянского языка, в собственных именах может быть весьма большим и даже преобладающим заимствованный слой, который, конечно, не дает основания для определения характера самого языка. Значительное количество древнеанатолийских параллелей еще не является веским аргументом древнеанатолийского (хетто-лувийского) происхождения хайасского языка.

б) Как любое древнее государство, хайасское государство, по всей вероятности, не имело однородно-одноязычного населения, и если даже в его составе имелись древнеанатолийские племена, это не исключает наличия других.

в) Предположение о древнеанатолийском субстрате в армянском языке больше основывалось на данных других исследователей. Дальнейшая проверка нами армяно-хетто-лувийских параллелей, со строгой методикой разграничения генетических и негенетических совпадений, показала, что точно выделяемый хетто-лувийский слой в армянском языке не так внушительен, как казалось раньше на основании не до конца проверенных данных, в частности, данных Г. Каланцяна.

г) Для хайасских собственных имен имеется слой, который не менее вероятно этимологизировать на основании данных армянского языка с учетом его исторических закономерностей.

д) Наконец, тезис о наличии армянских племен в Хайассе можно обосновать, как увидим дальше, не только прямыми, но и косвенными данными. Остановимся сначала на прямых, затем на косвенных данных.

⁵ А. Асмангулян. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения терминов родства армянского языка.—Международный симпозиум по армянскому языкознанию, Ереван, 1984, с. 19.

⁶ З. Исканян. Հայերեն արմատական բառերի մասին, 2, Երևան, 1973, էջ 5.

⁷ С. Петросян. Племенной союз Хайаса-Аззи в системе двоячных противопоставлений.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1987, № 3, с. 76—87.

II. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХАИАССКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

1. Армянские источники хайасских собственных имен

Дошедшие до нас три категории хайасских собственных имен—антропонимы, теонимы и топонимы—следующие⁸:

1) Антропонимы: Aišija, Anija, Ĥugana, Karani, Marija, Muti, Uani.

2) Теонимы: Baltaik, Šilili[, Tarumu, Teritituni, Unagašta, Zak(an)[, Janus, Ĥuĥuš, а также ^dU.GUR, ^dInanna и ^dU takšanaš.

3) Топонимы: URU Arĥita, URU Aripša, URU Arnija, KUR/URU Ĥajaša URU Ĥalimana, URU Ingaiaua, URU Kam[, URU Qadmaša (?), URU Gašmi-laja, URU Gazu[, URU Kumaša, URU Laĥirĥila, URU Paĥuteja, URU Paraja, Pateu[, URU PitiJariga, URU Šapaguruanta, URU Tamata, URU Du-g/q/kama, URU Dugama (идентичный с предыдущим?)⁹, URU Ura, HUR. SAG-Laĥa.

Имеется предположение также о том, что в стране Хайаса находился город Arzija¹⁰.

Из личных имен Aišija, Anija и Marija находят удовлетворительное объяснение в армянских апеллятивах, т. е. их можно этимологизировать как собственно армянские имена. Общим для них является суффикс -ija, который восходит к и.-е. *-i(1)a, образующему имена не только женского рода, но и деятелей мужского рода (ср. русск. *судья*). И.-е. суффикс *-iĥo-/-iĥa- выступает в качестве форманта личных имен во многих индоевропейских языках: в хеттском: Huzziā, Tudĥaliĥa-, Istarariĥa- (жен.) и др., греческом: Φίλιος, Λαῦχιος, Σφιῶν и др., латинском: Cassius, Marcus и др. В личных именах подобного типа суффикс *-i(i)o-/-i(i)a имеет уменьшительно-ласкательный оттенок. В некоторых же случаях он указывает на происхождение или образует имена от названия местностей. Личные имена на -i(1)a имеются также в хурритском (ср. Еппiа, Кукiа, Нуппиа и др. в таблицах из Нуз), однако хайасские основы личных имен на -ija не находят объяснения в хурритских корнях (слово *maĥiappi* в хурритском не является исконным). Тот факт, что вместо ожидаемой формы -iĥu, отражающей арм. *-iĥo-, имеются формы на -ija, мы склонны объяснить восхождением хайасск. -ija не к *-iĥo- (с переходом o>a), как раньше, а к *-ija с допущением обозначения последнего деятелей мужского рода и действием аналогии: в армянском языке многие обозначения мужского пола на -i, который восходит к *-iĥo-/-iĥa, при склонении имеют основы на -a- (ср. *amiri*, род. п. мн. ч. *amircaš* „холостой; холостяк“, *geri*, -eac^o „пленный, пленник“, *kcegi*, -eac^o „дядя (брат матери)“ и др.).

⁸ При транскрипции хайасских собственных имен мы не даем двойных согласных и не обозначаем долготы, считая это правильным только при транслитерации.

⁹ Большинство ученых отождествляет город Dugama, откуда человек по имени Aišisi (ia) с хайасским Dugama; против F. Cornelius. *Geschichte der Hethiten*. Darmstadt, 1973. S. 349 u. folg.

¹⁰ В. Н. Хачатрян. *Восточные провинции Хеттской империи...*, с. 67

Мы склонны Aiši- в Aišiġa¹¹ отождествить с арм. aisi, -eac^o при aic, -ic^o „коза, козел“ из и.-е. *aiǵ'- (ср. греч. αἴς), если допустить передачу арм. с через š¹². Формально менее вероятно сравнить хайасское имя с арм. ays „дыхание, дуновение, ветер: злой дух, демон“, приписывая его отрицательное значение к поздней—христианской эпохе (ср. di-ke „бог, божество“ > „языческий бог, идол“ в противоположность христианскому богу—astuac); арм. ays, по всей вероятности, восходит к и.-е. *ansǵo- при основе на *-u- (*apsu-) в остальных индоевропейских языках; др.-инд. asu- „жизненное дыхание, жизнь“, ав. anhu „жизнь“, др.-инд. asu-ḡa- „живой, божественный; небесный демон“, венет. ansu „идол“, герм. *apsuz „бог“.

Однако следует учесть, что имеются созвучные малоазийские и древнеевропейские названия рек, которые объясняют по разному: ви-финское Aesius (= Αἴσιος) возводят к греч. αἴσιος „благоприятный“ (при αἴσα „судьба“ и Αἴσα—богиня судьбы Эса), а древнеевропейские (по Д. Дечеву—частично фракийские)—к и.-е. *eis- „быстро идти, спешить“¹³.

Ap- в Apiġa по всей вероятности восходит к и.-е. *ap- «мужской или женский предок», откуда хетт. аппа-, лув. аппи(ġа)- «мать», выступающие в многочисленных личных именах лиц как мужского, так и женского пола: Аппа-, Аппапа-, Аппапа-, Annitti-, Аппиġипи-, Аппита- и др.¹⁴ Наличие мужских имен с этим компонентом говорит о живучести матриархата¹⁵. От этого же корня образованы личные имена и в других индоевропейских языках: в германских, может быть, также в греческом (Ἄπιος) и латинском (Annias). Личные имена с этим компонентом вообще распространены на территории древней Малой Азии¹⁶. Хотя хайасское имя можно объяснить именно как малоазийское, однако некоторые обстоятельства говорят в пользу его объяснения на армянской почве. Во-первых, корень хайасского Apiġa имеет параллели в хетто-лувийских личных именах, но ни одно из них полностью не совпадает с хайасским; во-вторых, не имея полных параллелей в хетто-лувийских, хайасское имя имеет таковые, как видно из вышеприведенных примеров, в других индоевропейских языках, т. е. возможно индоевропейское происхождение этого личного имени вообще; в-третьих, армянский сохранил не только указанный индоевропейский корень вообще в виде һапи «бабушка»,—причем можно допустить позд-

¹¹ Если город Dug/k/qama (откуда Aišiġa), упомянутый в связи с восстанием страны Пахува, тождественен с хайасским Dugama.

¹² Ср. передачу аффрикаты j через хетт. š в названии области Aġi-ki-ke—хетт. Aġše/i при Aġzi.

¹³ Ср. J. Tischler. Kleinasiatische Hydronymie. Wiesbaden, 1977, с. 22—23; H. Grahe. Unsere ältesten Flußnamen. Wiesbaden, 1964, с. 55 и. folg.; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 7.

¹⁴ E. Lagroche. Le noms des hittites. Paris, 1966.

¹⁵ Ср. Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества, пер. с англ., М., 1958, с. 161 и сл.

¹⁶ Ср. L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 67—69.

ритском и урартском. Хотя армянское слово с течением времени приобрело более узкое значение, но возможны два предположения: либо в хайасский период армянское слово обозначало молодую женщину, жену, как в латинском (ср. лат. *maritus* «жених; женатый, супруг; самец» от *myǵi—«молодая женщина, жена») и в условиях матриархата стало основой для личного имени, либо оно имело общее значение «молодой человек (мужчина или женщина), вступающий или вступивший в брак»; возможно даже, что обозначало действительно брачный класс. В фонетическом отношении развитие и.-е. **myǵi*ǵa (при *teǵa*) или, возможно, **myǵi*ǵiǵa в хайасск. *marǵa-* > арм. *marǵ*, род. п. мн. ч. *mareac* безупречно. Имя *Marǵa* в древней армянской ономастике не сохранилось. Позднее переданные личные имена в формах *Marēnc* (род. п. от *Marǵ*? XVI в.) и *Marēar* (соб. форма от *Marǵ*? XVIII в.)²⁵ едва ли имеют отношение к хайасскому *Marǵ*.

С меньшей вероятностью можно говорить об армянском происхождении двух других личных имен: *Muti* и *Uani*. Первое из них обычно считается, начиная с И. Фридриха²⁶, сокращенной формой хетт. *Muḫattiš* при лид. *Muḫattḫ* (ср. двойное написание имени царя *Muḫatali*—*Mutali*). Однако сходные поздние имена *Mutiaw*, *Muta-*, *Muta-*, вопреки мнению И. Зундвала, имеют греческое происхождение²⁷. Это дает нам основание говорить лишь о созвучии, а не идентичности хетт. *Muḫatti-* и хайасск. *Mut(t)i*, и найти приемлемое объяснение на армянской почве. *Muti* можно возвести к арм. *mut* «темный», возводимому, в свою очередь к и.-е. **meu-t-* (ср. ср.-ирл. *mothar* «гуща», англ. *mud* «грязь, ил» и др.)²⁸.

Личное имя *Uani* мы в свое время пытались объяснить как и.-е. образование от **u-* «стремиться, любить, желать», откуда: арм. *gup* «усилие, старание». Армянский в хайасские времена мог бы иметь и форму с другой огласовкой, причем в этот период и.-е. *u еще не перешел в *u*: ср. урарт. *Uelikuni* и арм. *Gela(r)kuni*. На базе и.-е. корня образовано иллирийское имя *Vanneus*.

Если оставить в стороне идеографические обозначения хайасских богов, то можно сказать, что в хайасской теонимике еще определеннее выступает армянский элемент.

Среди хайасских теонимов *Teritituni* и *Silili* имеют явные армянские параллели и могут объясняться как местные—армянские божества. Еще Г. Капанцян интерпретировал первое имя как «трехножный» или «треххвостный», имея в виду хетт. *tri* «три» (*tri-t* «с тремя?») и арм. *tutn*, *tup* «край, конец, конечность, хвост»²⁹. При этом он одновременно указывал на греч. *Trítwv*—имени сына бога Посейдона. Если

²⁵ Р. Ачарян. Словарь личных имен, 3, Ереван, 1946, с. 243, 244.

²⁶ J. Friedrich. Zu den kleinasiatischen Personennamen mit dem элемент *muḫa*—Kleinasiatische Forschungen, I, S. 359—379.

²⁷ Ср. L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 342, прим. 352.

²⁸ Ср. J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, 1959. S. 742; 2. *U k š n j w h. Ľajrbk š rjštšqš rššršš. 3, k 351.*

²⁹ Г. А. Капанцян. Хайаса—колыбель армян, с. 94—95.

учесть, что в хайасский период развития в армянском еще мог сохраниться *t* в начале **tri-* > др.-арм. *eri-* (выпадение *t*- и протеза *e* перед *r*), то *Teritituni* целиком можно считать армянским образованием **trititun* > др.-арм. **erttun* (для *eri-* ср. *eri-s^c-s* „трижды“, *errord* из **erirord* „третий“, *egeam* из **eri-am* „трехгодный“ и др.; для *ttun* ср. *bokettun* „золотохвостый“). Для *tutn*, *ttun* Петерсон указывал на германские параллели: н. исл. *tota* „конец, кончик“, ср.-англ. *tote* „конец“ и др. (герм. **dudan*)³⁰; однако здесь возможно допустить параллельные образования детского языка.

Имя бога *Šilili*], которое мы раньше пытались объяснить на хетто-лувийской почве, в настоящее время склонны интерпретировать на армянской почве, имея в виду слово *silel* (*selel*, *siḫex*, *selex*) „любовник“, возводимое нами к и.-е. **k^hei-* „лежать; любимый“, откуда др.-арм. *sēr* „любовь“ (*sirell* „любимый“)³¹; арм. *silel* имеет близкие параллели в древнеиндийском *śila-* „привычка, характер“, др.-ирл. *ce(i)le* „товарищ; супруг“.

Имя бога *Unagašta* (или **U nagašta?*) Г. Капанцян сравнивал с армянскими образованиями на *-ast* (*-est*, *-ist*): *imast* «смысл, значение», *uḡast* «отрицание» и др. (ср. хетт. *ašti* в *talukašti* «длина», *raḥašti* «ширина», русск. *-ость* в *новость*, *яркость* и др.)³². В этом сравнении два слабых места: во-первых, имя бога имеет основу не на *-i*, как в армянском и параллельных хеттских и славянских формах, а на *-a*, во-вторых, индоевропейские формы являются абстрактными существительными. Если допустить, что основа могла быть передана неточно (в неударной позиции), а имя бога является результатом олицетворения какого-то качества, то данное сравнение не лишено основания. Г. Капанцян оставляет *Unag-* без объяснения. По разным причинам мы считаем сомнительной интерпретацию хайасск. *Unagašta* как арм. **unak-ast* «способность» от *unak* «умелый, способный» (глагол *unakam* от *unim* «держат, иметь» является вторичным и вряд ли *unak* мог получить суффикс *-ast*), или *unag-* как передачу *ung-* с отождествлением его с арм. *ung* «пыль», *ung* «грех, вина» (?) или *unj* «дно» (<**ungj-* в послехайасский период); несколько более вероятно усмотреть в *ung k-* др.-арм. *unč^c* (< **unkj-*) «нос; усы» и в *ast-* — др.-арм. *(h)ast* «толстый» (**urg(i)-asta-* «толстоносый» или «толстоусый»).

Об именах *Baltaik* и *Zak* (an) [можно сделать более или менее правдоподобные предположения, но они останутся лишь предположениями. В первом из них Г. Капанцян выделял уменьшительно-ласкательный суффикс *-ik*, но сравнивал основу с аккад. *baḫi* «жизнь» (точнее «живой» при *balatu* «жизнь»), считая имя бога заимствованием «через хурритов (и хеттов Ишуву?) из ассиро-вавилонского мира»³³; в до-

³⁰ Н. Petersson. *Arische und armenische Studien*. Lund, 1920, S. 100, ср. также *2. Уайтшиль. Записки археологических раскопок. 4, Берлин, 1979, № 430.*

³¹ Г. Б. Джаукян и др. Очерки по сравнительной лексикологии армянского языка. Ерван, 1923, с. 75.

³² Г. А. Капанцян. *Хайаса—колыбель армян*, с. 96.

³³ Там же, с. 95.

полнение отметим, что *-ik* встречается в нузских таблицах как суффикс хурритских личных имен. Однако нам кажется более правдоподобным возводить *Baltaik* к индоевропейскому источнику и считать его образованием на армянской почве; в хайасский период армянский мог иметь и.-е. суффикс на согласную основу *-ik*, в дальнейшем контаминированную с основами на *-п* (**-ikon*, **-ukon* > *-ikn*, *-ukn*) и иранским суффиксом *-ik*. Что касается *Bald'ta-*, то для него мы предполагаем восхождение либо к **bhlt-* «блестящий» (> арм. **bald-*; ср. лит. личн. имя *Bait-gims*), либо **bhlt-* «вздутый; надменный; смелый, отважный» (> арм. **bald-*; ср. др.-в.-нем. *bald* «смелый, отважный», др.-англ. *bealdo* «князь, властелин, господин», др.-исл. имя бога *Baldr*)³⁴. В первом случае можно указать на сохранившееся древнеармянское слово *bal* в значении «туман» при диал. *balod* «буря»; не исключено, что в диалектном слове сохранился и.-е. элемент **-to-* в видоизмененной форме контаминированной с суффиксом *-ot*. Ср. также *baġam* «желаю» неизвестного происхождения. Наличие же *-a-* вместо ожидаемого *-o-* могло быть просто результатом неточной передачи.

Теоним *Zak(an)* [созвучен арм. *ġag* < и.-е. **ǵ̑̑g̑̑n-* «детеныш», но ничего нельзя сказать о характере этого созвучия: имеем ли мы дело с преемственностью или со случайностью?

Хайасские топонимы менее однородны по происхождению. Здесь можно установить как малоазийские и, по-видимому, хурритско-урартские, кавказские, так и собственно армянские элементы. В настоящее время мы склонны этимологизировать некоторые топонимы на армянской почве.

Если топоним *Ĥaġaša* действительно имеет отношение к самоназванию армян—*hay*, то мнения о происхождении последнего относятся и к нему. Высказано предположение, что в названии *Ĥaġaša -aša* является хетто-лувийским элементом, восходящим к и.-е. окончанию род. п. и функционирующим частично как собственное окончание, частично как суффикс посессивного значения: хетт. *-ašša*, иер.-лув. *-aša*, лув. *-ašši* и др.³⁵

Таким образом, с точки зрения хеттов *Ĥaġaša* собственно означало «хайская (страна)». Для слова *hay* существуют две наиболее вероятные этимологии: *hay* восходит к и.-е. **poti-* «хозяин, господин», либо к **rē-* (: **rō-*) «пасти» в значении «пастух»; последняя этимология находит поддержку в «Истории» Геродота: «Рядом с этими киликийцами живут армени, имеющие также много овец» (кн. V, 49). В обоих случаях предполагается характерное для армянского изменение и.-е. **p* > арм. *h*, которое, таким образом, было завершено еще в хайасский период. Маловероятно связывать название *Ĥaġaša* с названием *Ĥati-/Ĥate* (П. Иенсен, А. Ташян, И. М. Дьяконов).

³⁴ Не отражено ли в названии племени *Baltulġi* в урартских надписях.

³⁵ Э. Ларош, допуская для большинства малоазийских топонимов на *-ašša* хетто-лувийское происхождение, в образованиях на *-aša*, *-uša*, *-iša* видит гетерогенные образования (E. Laroche. *Gedenkschrift P. Kretschmer*, II, 1957, S. I u. folg.). Можно было в топониме *Ĥaġaša* усмотреть прототип арм. *Ĥays*, однако основан на *-o-* (ср. *Hayoc*) предполагает форму **Ĥaluša*.

Не лишено интереса отметить, что «субарейское» слово *hajanī* «маленький» не является собственно хурритским: в этом значении в хурритском употребляется *zugī*³⁶. Это слово может быть армянского происхождения; ср. *hayk* «маленький» (для -k ср. эпоним *Hayk* при *hay* «армянин»).

Для названия города и страны *Azi*, часто упоминаемой вместо Хайасы и, по-видимому, являющейся ее частью, можно сделать два предположения.

Если согласиться с Г. Капанцяном, что «Аззи хайасцев первоначально было именем определенного центра (города и села) с дальнейшим распространением своего наименования на всю область»³⁷, то можно искать ключ к объяснению названия в особенностях местности. В этом случае нам такой ключ предоставляет аналогичное ликийское название реки *Ἄζωυ*, которое считается греческим образованием от корня *ἄζ-* «сухой» (ср. *ἄζω* «сушу») при помощи суффикса *-ωυ*, встречающегося в топонимах³⁸. Корень *ἄζ-* этимологически связан с армянским *az-* (**azgʷn-*) в *azazem* «сушу», *azazun* «сухой, бесплодный», *azazeal albiw* «высохший источник». В этом случае *Azi* восходит к армянскому апеллятиву *azi из **azgʷhi(ɔ-)*. Это тем более вероятно, если иметь в виду, что в хеттских текстах упоминается река *Az(z)i*, отождествляемая с Ешил Ирман (греч. *Ἰρις*)³⁹.

Если же проводимая ранее параллель с троянским этнонимом *Ἄζεῖα* и, возможно, соответствующим топонимом *Ἄζεῖα* верна, то *Azi* имеет фракийское происхождение и указывает на наличие фракийского элемента в Хайасе. При действительном наличии города *Ἄζεῖα* и его связи с малоазийским личным именем *Ἀζίος* возможно также местное—малоазийское происхождение названия⁴⁰. Интересно отметить, что В. Томашек сравнивал *Ἄζεῖα* с фракийским топонимом *Ἄζωρος* (*Ἄζωρσι*, *Ἄζωρις*) и указывал на *ἄζωυ* «большой, высокий» у Гезихия⁴¹.

Добавим, что местонахождение города *Azi* точно не установлено. Г. Капанцяном⁴² отождествляет его с упомянутым в «*Itinerarium imp. Antonii Augusti*» населенным пунктом *Aza* и, вслед за Н. Адонцем, с *Hassis* в «*Tabula Peutingeriana*» между Никополем и Саталой в Малой Армении. Мы же указывали на крепость *Azord* в районе *Azordas* р-ог области Тайк (Тайк, греч. *Ταῦρος*, клинописный *Diauhī*) Великой Армении на берегу одноименной речки (название *Azord*), по-видимому, является образованием от корня *az-* посредством суффикса *-ord*⁴³, причем возможно позднее переселение.

³⁶ Ср. E. Laroche. *Glossaire de la langue Louvite*, I, Paris, 1976.

³⁷ Г. А. Капанцяном. Хайаса—колыбель армян, с. 43.

³⁸ Ср. J. Tischler. *Kleinasiatische Hydronymie*. Wiesbaden, 1977, S. 41.

³⁹ G. J. del Monte, J. Tischler. *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte*. Wiesbaden, 1976, S. 526.

⁴⁰ Ср. L. Zgusta. *Kleinasiatische Ortsnamen*. Heidelberg, 1984, S. 49.

⁴¹ W. Tomaschek. *Die alten Thraker*.—Sitzber. Akad. Wien, 131, 1894, S. 55. Ср. также D. Detschew. *Die thrakische Sprachreste*. Wien, 1957, S. 7.

⁴² Г. А. Капанцяном. Хайаса—колыбель армян, с. 43.

⁴³ Ср. также В. Хачатрян. Восточные провинции Хеттской империи, с. 134.

Хотя название города Агпија имеет параллели в балканских и малоазийских топонимах 'Αρυσσι, 'Αρυσσι, 'Αρυσσι, 'Αρυσσι и др., обычно возводимых к и.-е. *огпо-, *огпа „поток реки, волнующаяся, бурлящая вода“ (ср. арм. у-агпет „поднимаюсь“), однако с наименьшей вероятностью его можно сравнить с названием древнеармянского района Агпоу отп „Подножие Арна“ (в области Васпуракан), в котором Агп- является названием горы, сохранившимся и в современном названии горы Агпс (ср. также название города Агпа, расположенного недалеко от Ванского озера)⁴⁴; эти названия могут восходить либо к арм. агп „дикий баран“ (ср. греч. αρυς, гомер. αρυς „баран“), либо к основе агп- от ауг „муж, мужчина“ (ср. название острова 'Αυδρος при основе αυδρο- от αυτηρ „мужчина, человек“); в древнеармянском сохранилась форма агпи „мужской“, восходящая к первичной форме *агпио-. В последнем случае несколько трудно объяснить семантическую основу перехода (через личное имя?).

Если город Агзија действительно соответствует городу Агсп средневековой Армении, и, следовательно, под -z- следует подразумевать арм. с, то его название можно связать с арм. корнем агс-, сохранившимся в словах агсаг^с «серебро», агс-п-еі «выжигать по дереву», агсагсеі «воспламенять, разжигать» и восходящим к и.-е. *агг'- «блестящий, белый». Не исключено, что этот же корень сохранился в названиях местностей Агсак, Агсар^с, Агскē, а его вариант агас- (*агг'-?)—в названии реки Агасап (в ассирийской надписи ассирийского царя Салманасара III—^{ID} Arsanpa, в греческих источниках—'Αρσάνια)⁴⁵. Не менее вероятно сравнение также с хетт. агзија- „возделанная земля(?)“ и лув. агзијасзиš „название земельного участка“, для которых мы предполагаем заимствование из протоарм. *агс- > др.-арм. агт „нива“ (и.-е. *агг'- > *агго- > агсо- откуда, с суффиксом *-ііо-/-ііā, агсііо-/-ііа); интересно отметить, что считается возможным вывести хетт. слово из агті „вид зерна“ в каппадокийских текстах⁴⁶.

В работе «Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам» (Ереван, 1964, с. 73—74) мы, хотя и возводили название города Халимапа к хетт. хали- „караул, стража, ночная стража“ и суффиксу -шапа (ср. агпа-шапа „морской“ от агпа- „море“), но одновременно указывали на заманчивость его сближения с арм. ат, род. -і из и.-е. *сали- (> *хали > ат)⁴⁷ или с арм. али-к^с „волна“ из и.-е. *полиос

⁴⁴ Н. В. Арутюнян. Топонимика Урарту, Ереван, 1985, с. 40.

⁴⁵ U. S. B r e d j u s h . *Zur hethitischen Sprache*. Berlin, 1963; Н. В. Арутюнян. Топонимика Урарту, с. 44.

⁴⁶ Ср. J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977, S. 75.

⁴⁷ Считается, что гречизированная форма армянского слова сохранилась в названии реки 'Αλυς (J. P o k o n y . Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern-München, 1959, S. 878). Однако, имея в виду идеографическое обозначение этой реки в хеттских источниках (D.SA₅ „красная река“ (наряду с Магиссанпа) и соответствующее турецкое название Kizil Irmak, можно искать и другие объяснения; так, В. Джиганян (Историко-филологический журнал, 1986, № 4, с. 126) пытается, хотя не безупречно, возвести к п.-е. *еі- «красный, коричневый».

(ср. греч. *πότης* „седой; покрытый пеной, вспененный“), если допустить для хайасского переход *s > h или ноль и *p > h или ноль, как в армянском; „в пользу последнего сравнения, однако,—писали мы далее,—говорят два обстоятельства: во-первых, в таком случае оправдывается и возведение названия армян и хайассцев к и.-е. *roti-s, во-вторых, при допущении для армянского именно этой праформы объясняется переход индоевропейского *o в a, обычный для хайасского“. Сюда можно добавить передачу арм. (resp. хайасск.) h через хетт. h в названиях *Haḫaša* и *Halimapa*, хотя возможна, как увидим ниже, передача через p также и арм. (resp. хайасск.) x. В последнем случае мы бы указали также на такие возможные арм. слова, как *xaḫ* „игра; насмешка; театр; сустав“, *xaḫam* „играть; высмеивать; двигаться, идти, совершать поход“ и особенно *xaḫ*, род. -i „болото“. Для -mapa мы предполагаем др.-арм. -mp и -wp, выступающие как алломорфы (ср. *mrġimn* и *mrġiwp* „муравей“). Вероятно предположить, что название города *Halimapa* сохранилось в названии района *Aḫiwp* (менее вероятен вариант *Aḫiwc*) области Четвертой Армении.

Еще в 40-х годах Г. Капанцяян пытался интерпретировать название города *Laḫiḫiḫila* как «хижина Лахира», сравнивая первую часть с ассирийским личным именем *Leḫiḫa*, вторую часть—с хетт. *ḫila-* „двор, огороженное место; скотный двор, загон“, которое он переводил как «портик, хижина»⁴⁸. Последнее же слово он связывал с арм. *xiḫ* «хижина», выступающим также в вариантах *hiwi*, *hil*, *hei*⁴⁹.

В своих работах о хайасском языке мы в основном согласились с капанцяновской интерпретацией второй части названия: *-ḫila*⁵⁰. Однако открытым оставался вопрос о соотношении армянского и хеттского слов. Последнее имеет некоторые дериваты (*ḫilammaḫ*, *ḫilatar*) и наличествует в составе не только географических названий (*ḫilama*, *ḫilamatija*, *ḫaršanḫila*, *ištuhila*, *kalpašanaḫila*, *lumanḫila*, *paršananḫila*), но и в теонимах (*ḫilanzipa*, *ḫilašši*—божество, покровитель *ḫila*) и, по-видимому, в личных именах (*ḫilamaddu*, *ḫilanni*, *ḫelarizzi*, *ḫilaguada*, *ḫiliḫa*). Для хеттского слова не предложено более или менее убедительной индоевропейской этимологии (хотя указывается в пределах древнеанатолийских языков на лик. *qla* «ограда; святилище»). Наиболее вероятным является мнение о субстратном характере хеттского слова⁵¹. В этих условиях можно ли сказать что-либо конкретное об отношении хеттского слова к армянскому? Чтобы найти более или менее вероятный ответ на этот вопрос, нам следует исходить из того общепринятого предположения, что в названии *Laḫiḫiḫila* компонент *-ḫila* тож-

⁴⁸ Г. Капанцяян. Хайаса—колыбель армян, с. 60.

⁴⁹ Գ. Ղափանցյան. Հայոց լեզվի պատմություն. Երևան, 1961, էջ 160—182.

⁵⁰ G. V. Jahanjian. The *Ḫataša* language..., p. 396—397; Г. В. Джаукян. Хайасский язык... с. 81; Նոնյեի Հայաստանի լեզվի հիմնատնիական ծառայել վար-
կումը, էջ 104.

⁵¹ J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 2, 1978, S. 242.

дественен хеттскому слову и его употреблению в топонимах. Тогда вопрос о его отношении к арм. *xul* и его вариантам *hiwí, híl, he!* может быть решен в зависимости от характера языка основного населения страны Хайасы и его отношения к армянскому. Возможно несколько предположений: 1) арм. *xul* и его варианты не имеют отношения к хетт. и хайасскому *-hila*, т. е. налицо лишь случайное созвучие, если, в частности, варианты *hel, híl* являются вторичными от *xul* из н.-е. **khu-lo-* (н.-е. **(s)keu-* «покрывать») ⁵²; 2) хайасское слово тождественно хетт. *-hila*, но в дальнейшем контаминировалось с арм. *xul* и его вариантами; 3) хайасское *hila*, будучи одним из диалектно-фонетических вариантов *xul*,—при допущении тождественности языка основного населения хайасы с армянским,—является источником хеттского языка. В связи с последним предположением отметим следующее: а) арм. *xul* действительно является исконно индоевропейским словом, имеющим параллели в кельтском (ср. др.-ирл. *cúl* «угол, убежище, укрытое место»), германском (ср. др.-исл. *skjol* «убежище, хранилище», др.-фриз. *skúle* «хижина»); ср. также арм. *xuc* «келья» от того же корня (**khu-sk'o-*); б) кроме значения «хижина, изба» в диалектах имеются значения: «шалаш», «пристройка, где готовят молочные продукты»; в) арм. *xul* заимствовано в грузинском в форме *xula* «изба; лавка»; г) возможно, что в сохранившихся в хеттских источниках топонимах мы имеем другие варианты арм. слова: *Hulaniça, Hulanta, Hularu, Hulasa, Hulusiçania, Aparhulu, Asuhulaja*, также *Hulaja* (гидроним), *Hulapa* (назв. реки). Особенно характерны названия *Hulika* (ср. арм. *xlik* из **xullka*) и *Hañulija* (ср., возможно, также заимствованное из армянского груз. *xixula* при *xula*—с тем же значением).

В последнем случае в *Lahig-*, по-видимому, также следует искать армянскую форму; мы склонны здесь видеть одну из арм. основ на *-g*, имевших в древности форму на *-eg* и выступавших в составе производных и сложений именно в этой форме; такой основой могло быть **laher-* от н.-е. **las-* «алчный, жаждущий» (для значения ср. др.-исл. *losti* «радость, удовольствие», лит. *lokšnis* «нежный», русск. *ласка*, чеш. *laska* «любовь» и др., для формы образования—основу на **-pi-*, которая указывает на первоначальную основу на **-g/p*).

В своей статье о стране Хайаса Э. Форрер отождествлял название хайасского города *Ingalaça* с названием крепости *Ang(e)í* в районе *Angettup* (Γγγηληνη, *Ingila* греко-римских источников) в Четвертой Армении ⁵³. Хотя Г. Капанцян оспаривает локализацию хайасского города ⁵⁴, тождественность названий остается в силе. Попутно укажем, что, во-первых, местностей под таким названием в исторической Армении много, во-вторых, сравнение Г. Капанцяном названия города с аккад. *ekallu(m)* «палата» (из шумер. *é.gal*) не выдерживает критики. *Angl*, род. п. *Angel* восходит к арм. апеллятиву *angí, -el* «гриф» (на-

⁵² Հ. Ահաբեկյան. Հայերեն արմատական բառարան. 2, էջ 416—417.

⁵³ E. Forrer. *Ha asa-Azzi*.—Caucasica, 9, p. 13.

⁵⁴ Г. Капанцян. Хайаса—колыбель армян, с. 22.

звание *Angeltun* «дом грифа» соответственно указывало на высокое расположение местности), если, конечно, мы не имеем дело с народной этимологией. При этом следует сказать, что *angl* не имеет надежной этимологии. Мы пытались возвести его к и.-е. **ank-*, **ang-* «гнуть, сгибать», (откуда арм. *apkiwn* «угол»), считая, что в основе названия могла быть форма клюва⁵⁵; здесь приблизительно такое же развитие первичного значения, как тох. *A oŋkalām*, *B oŋkolms* «слон». Однако при такой интерпретации остается трудно объяснимой первичная форма с начальным *I*: *Ingalaça* при *Ingila*, *Ἰγγιλάτση*. При этом *-ца*, по-видимому, действительно является топонимическим суффиксом, выступающим в топонимах Малой Азии и проникшим в пределы Хайасы. Весьма заманчиво сравнение с арм. глагольной основой *əpkał-* в *əpkałum* «получать, принимать; (диал.) закрывать» (*əpkaław* «он получил»), состоящей из приставки *əp-* и корня *kał-* из и.-е. **gь-*] от **geu-* «гнуть, сгибать»; ср. греч. *ἐγγυαλίω* (*ἐγγυαλ-*) «вручать, давать», лат. *vola* «ладонь» и др.

Для названия города *Pağaja* возможно предположить как армянское, так и неармянское происхождение. В зависимости от глухого или звонкого произношения начального *P/V* можно указать на армянские параллели с начальным *p* или *b*. При *P-* наиболее вероятным является отождествление с *p^{ca}g-* в *p^{ca}gət* «окружать, огибать, включать; вводить», *p^{ca}apn* «обнимать», восходящим к и.-е. **ph^g-* от *(*s*)*per-* «вертеть, крутить, обвивать» (ср. греч. *σπειρά* «изгиб, извив, извилина», *σπάρτος* «дрок (трава, употреблявшаяся для витя веревки, плетения корзины и т. п.)», *σπάρτον* «жгут, веревка, канат», др.-лит. *spartas* «узы, связь», возможно и лат. *sporta* «корзина»). Имеет ли связь *p^{ca}g-* с *pağ-* «круг, танец», *pağ-* «перл-, *siçim-*»? Возможно допустить как случайное совпадение, так и наличие древнейших диалектных вариантов (с неполным завершением передвижения) или влияние близкого и.-е. языка; для последнего случая ср. также *patatəm*—*p^{ca}at^{ca}t^{ca}təm* «мотать, обвивать» (*pat/p^{ca}t^{ca}*). При начальной *V-* (ср. *Var*—гора и село в Эрзерумском вилайете у реки Тортум и *Вага*-развалины деревни на территории области Тайк Великой Армении) можно указать на арм. *bağ* «хороший» при *beğət* «приносить» от и.-е. **bheg-*.

Однако наряду с армянской этимологией возможны, даже с большей вероятностью, хетто-лувийская или даже фракийская этимология.

Название хайасского города *Pağaja* может восходить к хетто-лувийскому корню *pağ-* (и.-е. **per-*) в хетт. *pağ* «вперед; наружу; дальше, вон», *pağjan* «через, на ту сторону», *pağap*, лув. *pağap*, иер.-лув. *pağap* «вперед, впереди»; ср. топонимы *Pağjana*, *Pağša* (?) (хетт.), *Pağablēja* (кар.) и др. Однако при допущении чтения *Вагаја* можно его сравнить с фрак. *Βερ(ρ)οία* (*Βεγое*) от и.-е. **bheg-* и предположить в Хайасе присутствие фракийских племен.

Имея в виду, что по хеттским источникам город *Ağışa* «лежал в море» («...у моря?») в высокогорной скалистой местности, мы в своих

⁵⁵ Г. Б. Джаукяи. Хайасский язык..., с. 77.

первых работах по хайасскому языку допускали возможность возведения его названия к и.-е. *geir- (ср. греч. $\epsilon\rho\epsilon\iota\pi\omega$ „разрушаю“, $\epsilon\rho\epsilon\pi\upsilon\eta$ „обрывистая скала, обрыв“, лат. *grā* „берег“ и др.), без прямого указания на его армянское происхождение. В дальнейшем мы допускали западнокавказское происхождение названия, имея в виду для -rša кабард., адыг. psə „вода“. В настоящее время мы считаем более вероятной первую этимологию, переводя ее на армянскую почву по двум основаниям: во-первых, начальный протетический гласный а-наряду с е-, о- обычен для армянского (ср. *agew* „солнце“ от *geu-, *agogapem*—*oḡogapem* „орошаю“ от и.-е. *sroḡ-), во-вторых, в конечной части -ša можно усмотреть арм. окончание мн. ч., в дальнейшем перешедшее в -k^с, однако в географических названиях чередующееся с -s (последнее собственно тождественно окончанию вин. п. мн. ч., однако часто встречается в именительном падеже). И.-е. *r в начальной позиции обычно стражастся как w или v (после с: *erī > ew „п“, *rgrer- > erewit „показываюсь, являюсь“, *septm > ewt^сp „семь“ и др.), однако в период Хайасы мы должны были иметь что-то вроде r̄, который в клинописи передавался бы в виде r. В дальнейшем слово, легшее в основу названия, могло бы исчезнуть.

Сравнение Э. Форрером⁶⁶ *Aḡrša* с *Arīzβ^η, упомянутым у Гомера, и выведение Г. Нейманом⁶⁷ *Arīzβ^η из *Aḡrša* маловероятны, если учесть изначальность сочетания -zβ-, встречающегося во всех вариантах. Наиболее вероятным считается фракийское происхождение названия *Arīzβ^η, имеющего параллель в названии реки *Arīzβ^η* во Фракии⁶⁸. В этих названиях -zβ-, по всей вероятности, восходит к и.-е. *ek^u-⁶⁹. Карийские топонимы *Arkaxa (назв. города), *Arkaxos (назв. реки), фрак. *Arkaxos (все три с придыханием!) стоят еще дальше, а *Arzβ^η-os в Малой Армении, с которым Г. Капанцян сравнивает *Aḡrša*, имеет параллели в карийском *Arabissus*.

2. Хетто-лувийские источники хайасских собственных имен

Из личных имен собственно хеттско-малоазийскими являются *Ḥu-gapa*, возможно также *Muti* (если вышеуказанная армянская параллель неправомерна) и *Kapani*. Первое из них имеет параллели в хеттских личных именах с компонентом *Ḥuḥ(h)a-* и, возможно, каппадок. *(Ḥu)ganiḫa*. *Ḥuḥ(h)a-* восходит к хетто-лувийской основе *ḥuḥ(h)a-* „дед“, причем хайасская форма ближе всего к лик. *ḫuga* (ср. также

⁶⁶ E. Forrer. *Ḥaiaša-Azzi*, S. 15.

⁶⁷ G. Neumann. *Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*. Wiesbaden, 1961, S. 51.

⁶⁸ Ср. D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*, S. 25; L. Zusta. *Kleinasiatische Ortsnamen*, S. 96, 201.

⁶⁹ Ср. Л. А. Гяндян. *Древнейшая ономастика Восточных Балкан*. София, 1981, с. 133, 137.

каипад. личное имя); она происходит от и.-е. *(H)au(H)o-, откуда арм. haw, -ou „дед“; армянская форма явно стоит дальше. Конечно, Hugaṅa можно этимологизировать на армянской почве: *hogan „заботящийся“ от hogan „заботиться“, однако более вероятно вышеуказанное объяснение.

Хайасск. Kaḡan имеет параллель в хетт. личном имени Kaḡaṅan-, соотношение с которым аналогично соотношению Mut(t)i и Muḡatti (с выпадением -ia-). Основу этого личного имени возводят к и.-е. *k'eg- «верхняя часть тела: голова; рог; вершина»; рефлексом этого корня в армянском является saḡ «вершина горы, гора» (через иранский?). Можно, конечно, предположить для хайасского лишь созвучное образование, но среди имеющихся армянских корней нет таких, индоевропейское происхождение которых не вызывало бы сомнения; трудно предположить также в армянском в дальнейшем исчезнувший индоевропейский корень. Укажем, что похожее на хайасское имя носил камергер угаритского царя (аккад. ^MKaḡ-ḡa-ni)⁶⁰.

Хетто-лувийское имя, восходящее к hiḡḡa- «дед», сохранилось также в урартском Huka⁶¹, что говорит о популярности этого имени.

Если оставить в стороне идеографические обозначения хайасских богов, то здесь можно говорить определенно лишь о двух божествах как заимствованиях. В Taguṅuš (Taguṅuš) компонент Тагу- идентичен с хеттским Тагу (бог времени)⁶², -ṅi- же является сокращенной формой хетто-лувийской пица- «сила», выступающей, может быть, также в личном имени Mut(t)i-.

Дефектный комплекс -ḡiḡuš, для которого возстаивают полную форму Kaḡḡiḡuš, идентичен с хетт. ḡiḡ(h)aš „дед“, которое мы упомянули в связи с рассмотрением личного имени Hugaḡana: оно ближе к хетт. форме и говорит о заимствовании этого имени хайассами.

Наиболее вероятным для названий городов Arḡita, Sapaguruanta, Tamāṭta, Ura является малоазийско-хетто-лувийское происхождение. Название Arḡita Г. Капанцян сравнивает с хетт. arḡa- „вне“ iḡḡa- „граница, край“, лув., иер.-лув. arḡa „вне“ и определяет общее значение „пограничный“⁶³. По-видимому, с Arḡita тождественно название Erḡita (E-ir-ḡi-ta)⁶⁴, которое созвучно названию района Erḡet^c-k^c области Aḡnik^c древней Армении, хотя территориально хайасск. Arḡita и арм. Erḡet^c-k^c не совпадают. Последнее не объяснимо на армянской почве. Маловероятно возхождение Arḡita к арм. arḡ^c, -a^c „пос-

⁶⁰ Распространенные в Малой Азии, во Фракии, на юге Балканского полуострова собственные имена с компонентом Kaḡ-, по всей вероятности, неоднородны. Многие из них тсофорные; ср. Л. А. Гиндип. Языки древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967, с. 108—114.

⁶¹ Ср. И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы, М.—Л., 1963, с. 94.

⁶² Деларпорт (Delaporte. Malatya, p. 22) отождествляет с хетт. Tagḡuna. Возражает Гютербок (Güterbock. Belesen, 7, S. 307).

⁶³ Г. Капанцян. Хайаса—колыбель армян, с. 96—97.

⁶⁴ G. F. del Monte, J. Tischler. Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte, S. 31.

редник, средство; повод", если даже допустить в хайасское время для г звучание gh и первичное значение „средний“; к тому же происхождение арм. слова неизвестно (вряд ли префикс аг- „при“ из и.-е. *porsō + -it^o из и.-е. *itō- от *ei- „идти“).

В названии города Šaragurçanta можно выделить суффикс -çant- (ср. kartimlīaçant- „гневный“ от kartimlīa- „гневаться“), однако неизвестно происхождение Šaragur-. Суффикс -çant da имеется и в других древнеанатолийских топонимах: Garlīuanta, Paražūçanda, Ta-çanda, Taršaçanta, Uçaçanda и др. Едва ли можно выделить компонент Šara- и сравнить Σαβζ- в названии этнической группы или жителей города неизвестного расположения Σαβαίοι в Памфилии.

Не исключено, что названия на -çanta частично сохранились в армянском в виде -wap, контаминировавшись с названиями, восходящими к урартскому ebanī (>ewap) и иранскому wap.

Если -t(t)- в названии города Tamat(t)a является хетто-лувийским суффиксальным элементом, то в основе названия, по-видимому, лежит корень tam- „строить“ из и.-е. *dem-; ср. иер.-лув., лид. tam-. Следует ли его искать в лид. Ταμζις и карийск. Τάμισζ?

Наконец, в основе названия Ura лежит лув., иер.-лув. uga- «большой, великий». Оно встречается и как отдельное название, и как компонент географических названий.

Вероятно также хетто-лувийское происхождение названий Duga-mapa, Dag/q/kapa, которые (возможно, что они относятся к одному и тому же объекту) мы возводили к хетт. d/tug/q/k- «быть видным, быть важным, почитаемым» при суффиксе -mapa (ср. агипамапа- «морской» от агипа- «море»).

3. Другие источники хайасских собственных имен

Как можно судить на основании топонимов, в Хайасе были и другие этнические элементы. Если личные имена и теонимы могут заимствоваться, т. е. если хайасцы могли носить имена хетто-лувийского, хеттского, хурритского и другого происхождения независимо от своей языковой принадлежности и почитать привнесенные божества, то топонимы, восходящие к данному языку, обычно указывают на присутствие этнического элемента, говорящего на нем.

Сказанное выше относится в первую очередь к названию города Raḫuteja. Весьма вероятно, что в элементе -teja налицо хурритское слово teja «большой», и это название противопоставляется названию Raḫiça, если допустить наличие главного города этой страны под таким названием. Raḫi- и Raḫiç- могли быть вариантами основы, если нельзя здесь выделить специальный суффикс -ça (ср. название города Raḫuga, города и горы Raḫurina).

Для объяснения teja можно допустить либо непосредственное хурритское присутствие в городе Raḫuteja, либо заимствование армянами этого слова: в последнем случае элемент арм. ti-<⁺iei- в *ti-ayg> tēg „господин“, ti-kīn „госпожа“, ti-ezer-k^o „вселенная, космос“ (букв. „большой край, большой мир“ от ezg „край“) следует возвести к хур-

ритскому источнику, а не сравнивать с лит. *didis* „большой“ от и.-е. корня **dei-*. Основной же компонент *paḥu(u)*- сохранившийся, по-видимому, в названии монастыря к западу от озера Ван *Рахуепис*⁶⁵ (форма род. п. мн. ч. от *Рахуепк*⁶⁶) *vank*⁶⁵ „Пахуев монастырь“⁶⁵, пока не имеет надежной этимологии. Хотя это название похоже на дат.-вин. п. *paḥhueni* от хетт. *paḥḥu-* „огонь“,⁶⁶ однако при наличии связи между *Paḥu-* (в *Paḥ(h)uteja*) и *Paḥuца* сравнение маловероятно. Нам не кажется невероятным сравнение с арм. *paḥ* „бегство“ (основа на -u; ср. *paḥu-st* „бегство“), этимология которого неизвестна; происхождение арм. слова возможно из близкого к хетт. *paḥ-* „гнать“ источника, легшего в основу *Paḥuца*, *Paḥu(uteja)*.

Возможна связь названия города *Pateu* [с вышеупомянутым армянским корнем *pat/p^oat^o* «круг; изгиб» (отсюда и *pat* «стена»), однако происхождение этого корня неясно. Если он имеет связь с урартским *patan* «город», тогда можно говорить о наличии урартского элемента в хайасском и, соответственно, урартского субстрата в армянском. Более широкое значение армянских корней, имеющих к тому же многочисленные дериваты, делает маловероятным заимствование армянских и урартского слов из аккадского (ср. *patu(m)* «край» и *patu(m)* «граница») или, опосредованно, из шумерского (ср. *bad* «стена; крепость»), с которыми они сходятся по некоторым вторичным значениям.

Для *Kam* [можно сделать несколько предположений. Во-первых, возможно в этом названии искать начало армянского слова *katuḡ* „мост“, для которого указывают на греческую параллель *τέγυρα* «мост; лососа, плотина»; для восстановления индоевропейской праформы имеются фонетические трудности (переход и.-е. *bh в арм. *m*). Во-вторых, возможно, что здесь мы имеем тот же корень *kam(a)*-, выступающий в многочисленных малоазийских топонимах; при этом не исключена их связь с и.-е. **kam-eg-* «сгибать, образовать свод» и **kam-r-* «сгибать», которые в армянском языке представлены лишь в заимствованиях (ср. *катаг* «свод», *катаг* «пояс», *katlem* «опоясывать», *кам-а-ког* «кривой»). В-третьих, если в этом названии можно восстановить название города *Катах* в области Высокая Армения, которое употреблялось наряду с *Апи* (также *Апи-Катах*)⁶⁷, то в нем действительно возможно увидеть арм. слово *ktaḥ-k^o*, «кости, останки», как предполагает Р. Ачарян на том основании, что в этом городе находился склеп армянских царей⁶⁸; это слово возводится к аккадскому *ki-maḥ(h)u(m)* (*gipaḥu*) «могила». В этом случае армянское слово может быть очень древним заимствованием из языка аккадских колоний в Малой Азии. Менее вероятно отождествление *Kam* [с *Кимтаḡа* (Коммагена), как это делают Э. Форрер и Г. Капанцян, причем Г. Капанцян различает *Кимтаḡа* в Хайасе и *Кимтаḡа*—Коммагена.

⁶⁵ В. Н. Хачатрян. Восточные провинции Хеттской империи, с. 119.

⁶⁶ Գ. Բ. Ջահանջյան. Հայաստանի լեզվի հինհատերիական ծագման վարկածը, էջ 101:

⁶⁷ По В. Н. Хачатрян (Восточные провинции Хеттской империи, с. 116), тождественен *Катаḡапа* в хеттских источниках, KUB, XXIII, s. 72.

⁶⁸ Է. Ահարյան. Հայերեն արմատական բառարան. 2, էջ 605:

Название города GazuI, вопреки мнению Капанцяна, по-видимому, не имеет отношения к кашкайскому Gaziuga (Gazi из ^{DU}gazzi- „вид посуды“⁶⁹ + uga „большой“; ср. также название местности Kazi) и Gazzara, у которых после z следуют другие гласные. Для этого названия возможны две этимологии: либо оно восходит к арм. основе: kas^c от kau „стоянка; местожительство“ (и.-е. *gъi- от *gъei- „жить“ при ka- < *gъiǝ- и kas^c < *gъiǝ-sk- и kea- < *gъiǝ-?), либо восходит к основе урарт. gazulī „прекрасный, отличный, хороший“. В последнем случае следует предположить в Хайасе урартский элемент или допустить заимствованность урартского слова (< арм.-хайасск. gaǝ- < *gъdhǝ- от и.-е. *ghedh-, откуда др.-в.-нем. gut, н.-нем. gut „хороший“; неясно отношение к греч. ὑαῖος „хороший“, с которыми мы раньше сравнивали урартское слово).

Для названия города G/Kasmiāna наиболее вероятно хурритско-урартское происхождение, имея в виду у него наличие суффикса -h(a), распространенного «в древней восточной Малой Азии с охватом хурросубарских и урартских стран» и, по-видимому, связанного с хурритско-урартским суффиксом принадлежности -h(i/e)⁷⁰. Хотя ни в хурритском и ни в урартском нет соответствующей основы G/Kasmi (хурритское hašmappi- «темно-красный» или «сине-зеленый» (?) близкое по форме, мало подходит по значению), однако в хеттском имеется слово NINDA kazmi- „вид печенья“ (при NINDA kašmi-), для которого предполагается хурритское происхождение⁷¹. Имеется также фригийский топоним Kαζμο (ср. Kαζμινη, Kαζμινη), сходный с G/Kasmiāna. Менее вероятно в -āna видеть вариант хетто-лувийского -aša, рассмотренного в связи с Хайасой; ср. лик. A -ahi, -ehi при лик. B -es. Арм. kazm. „готовый; вооруженный“ при kazmet „образую; вооружаю“, на которое мы раньше указывали, по-видимому, имеет иранское происхождение и заимствовано позже.

В названии города Bitiāriga, отождествляемом с позднейшим Bitārič, можно выделить компонент -(i)ariga > (y)arič, встречающийся в армянских топонимах как отдельно (Arič, Yarič, Harič, Arinč, Arin), так и в составе различных названий (Bagayatic, Btārič, Gukafinč, Itārič, Ktārič, Mkaparinč, Tirārič, Xokafinč и др.). Р. Ачарян ищет в ari(p)č апеллатив со значением „село“, но возможно другое значение. Среди первых компонентов сложных с -ari(p)с топонимов имеются как исконные, так и заимствованные слова, и вопрос о Bt^c < Biti- остается открытым. Не исключено, что оно отдельно встречается в названии села Bit^c в Эрзерумском вилайете южнее города Ардвин. Его можно отождествить с арм. bēt (bet^c) „большой, крупный“, однако

⁶⁹ Ср. J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar, 3, Innsbruck, 1980. S. 549.

⁷⁰ Г. Капанцян. Историко-лингвистические работы, I, Ереван, 1957, с. 432—436.

⁷¹ J. Tischler. Op. cit., S. 550.

происхождение этого слова неизвестно. Bittijaṛiga > Bt̃arič при такой интерпретации могло означать „большое село“. Маловероятна связь с западномалоазийскими названиями, в частности, с клинописным Pita-gala-šša⁷² при этническом названии Пιττυγο: и топонимами с элементом πιτ-πιθ⁷³. В. Георгиев название хеттского города Pitaša вместе с названиями городов Πῆδαζα (Πῆδαζαυ, Πῆδαζατ) в Карии, Πῆδαζατ в Троаде и Пелепоннесе, острова Πῆδαζατ (Πῆδαζατ) в Карии (близ Галикарнаса), а также реки Πῆδατ в Мизии возводит к и.-е. pidos „источник, ключ“⁷⁴, однако Πῆδατ, по-видимому, имеет не собственно малоазийское, а греч. происхождение (ср. πῆδαω „струиться, литься, изливаться“⁷⁵, πῆδαζ „ключ, источник“).

Трудно указать на более или менее правдоподобную этимологию для названия горы Laḥa, если оно не имеет отношения к первому компоненту названия города Laḥir-ḥiḥa. Вряд ли его можно сравнить с арм. диал. lax «ветвь, ветка» или lax «слабый». Ср. также Laḥina в названии города ^{URU}Laḥinaššiš, откуда человек с именем Laḥinaziti⁷⁶.

Продолжение следует.

⁷² E. Laroche. Gedenkschrift P. Kretschmer, II, S. 4.

⁷³ L. Zgusta. Kleinasiatische Ortsnamen, S. 498.

⁷⁴ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, с. 172—173.

⁷⁵ Ср. J. Tischler. Kleinasiatische Hydronymie, S. 119; L. Zgusta. Kleinasiatische Ortsnamen, S. 492.

⁷⁶ Ср. E. Laroche. Les noms des Hittites, p. 272.